

чивает, остается непогрешимой. А это значит, что природа упорядочивает вещи, сообразуясь со своими способностями; и соображение это есть основа права, заложенная природою в вещах. Из этого следует, что природный порядок в вещах не может быть сохранен без права, коль скоро фундамент права неразрывно связан с этим порядком. Таким образом, порядок, установленный природой, необходимо сохранять правом. Римский народ был предопределен к господству от природы, и это разъясняется так. Подобно тому как отступил бы от совершенства искусства тот, кто имел бы в виду лишь завершающую форму, а о промежуточном, посредством чего он этой формы достигает, не заботился бы, – подобно этому отступила бы от совершенства природа, если бы она имела в виду во Вселенной лишь универсальную форму Божественного подобия, а промежуточным пренебрегала бы. Но природа не терпит недостатка ни в каком совершенстве, будучи произведением Божественного разума; следовательно, она имеет в виду все промежуточное, посредством чего можно дойти до конечной цели ее намерения. Поскольку, стало быть, существует цель человеческого рода и существует нечто посредствующее, необходимое для достижения универсальной цели природы, необходимо, чтобы природа имела его в виду. Посему правильно поступает Философ во второй книге «Физики», доказывая, что природа всегда действует ради цели. И так как этой цели природа не может достигнуть силами одного человека, коль скоро существует много действий, необходимых для этого и требующих множества действующих субъектов, необходимо, чтобы природа производила множество людей, предназначенных к выполнению различных действий, чему, помимо небесных влияний, значительно способствуют силы и свойства мест здесь, на земле. Оттого мы видим, что не только отдельные люди, но и целые народы способны от рождения повелевать, а другие – подчиняться и служить, как это доказывает Философ в книгах «Политики», и для таких, как он сам говорит, быть управляемыми не только полезно, но и справедливо, даже если их к этому и принуждают. Если это так, нет сомнения, что природа приуготовила некое место и племя к владычеству над всем миром; иначе оказалось бы, что она не имела бы сил осуществить свое намерение, а это невозможно. Какое же это место и какое племя, достаточно ясно из сказанного выше и из того, что будет сказано ниже, а именно это был Рим и его граждане, или народ. Сказанного коснулся весьма тонко и наш поэт в шестой книге, выведя Анхиза, который наставляет Энея, отца римлян, так:

Тоньше других ковать будут жизнью дышащую бронзу –
 Верю тому – создадут из мрамора лики живые,
 Красноречивее будут в судах, движения неба
 Тростью начертят своей и вычислят звезд восхожденья.
 Ты же, римлянин, знай, как надо народами править,
 Пусть твои будут искусства: условия накладывать мира,
 Ниспроверженных щадить и ниспровергать горделивых!

А предопределенности места он тонко касается в четвертой книге, выводя Юпитера, говорящего с Меркурием об Энее следующим образом:

Нам его не таким прекрасная мать обещала
 И не затем защищала от Грайев оружия дважды;
 Но для того, чтобы, чреватой могуществом, бранью дрожащей,
 Правил Италией он...

Теперь мы в достаточной мере убеждены, что римский народ был предназначен природой к тому, чтобы повелевать. Следовательно, римский народ, покоряя мир, по праву достиг империи.

VII.

Чтобы вполне уловить сущность того, о чем ставится вопрос, надлежит знать, что Божественное решение иногда бывает в вещах явным, а иногда оно скрыто от людей. Сделать очевидным сказанное можно двояко: посредством разума и посредством веры. В самом деле: некоторые решения Бога таковы, что человеческий разум может дойти до них сам, например что